

Размышления и дискуссии

А.В. Водолагин

Любовь и смерть в понимании В.В. Розанова

Историко-философский анализ работ В.В. Розанова позволяет установить, что этот в высшей степени оригинальный мыслитель и наблюдатель жизни¹ при всей его кажущейся «беспринципности»² на протяжении всей своей духовной эволюции оставался верен той исходной интуиции, которая была сформулирована им в книге «О понимании» (1886). Упуская из виду эту первичную интуицию Розанова, мы могли бы согласиться с тем, что он исповедовал некий «биоцентризм» (В.В. Зеньковский) и, не сопротивляясь никаким своим биологическим процессам, лишь переносил на бумагу «жизненный поток» (Н.А. Бердяев), «выговаривал все, что ощущал» (З.Н. Гиппиус). В таком случае, Розанова действительно следовало бы признать создателем русской версии «философии жизни», представителем «философского импрессионизма».

Оценки такого типа представляются мне поверхностными. Принимая их, мы упускаем из виду главное – так называемые розановские «вопросы» (З.Н. Гиппиус), одна только постановка которых превратила вопрошавшего в редчайшее, самодельное явление в истории русской мысли.

¹ См.: Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 435.

² См.: Лосский Н.О. История русской философии. С. 437; Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 37; Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Paris, 1989. С. 459.

Для тех, кто не пролистывал, а погружался в тексты Розанова, очевидно, что их автор не ограничивался фиксацией впечатлений дня, описанием т. н. «потока сознания». Вдумчивое чтение Библии научило его видеть в вещах природных и человеческих, как и в событиях собственной психической жизни, знаки высшей, космической или даже божественной целесообразности. Философская рефлексия Розанова была направлена не на *впечатления* (элементы обыденного сознания), а на *смыслы* (являющиеся достоянием сознания эзотерического). В этом плане он работал в традиции платонизма, о чем, в частности, свидетельствует его преданность Аристотелю. Преподававший вместе с В.В. Розановым в Елецкой гимназии П.Д. Первов вспоминал об их совместной, каждодневной в течение года «работе на высотах мышления» над переводом «Метафизики» Аристотеля как о лучшем времени жизни. В лице Розанова он нашел глубокого и проницательного толкователя подлинника, проникавшего в тонкости «наивысшей отвлеченной мысли <...> в точном соответствии с подлинником»³.

Именно аристотелевская «Метафизика» способствовала философскому пробуждению Розанова и в значительной степени повлияла на категориальное оформление его первопрозрения в книге «О понимании». Речь идет об интуиции зерна-семени, соответствующей аристотелевским категориям «сущего в возможности» (в отличие от «сущего в действительности»), способности «делать и претерпевать» и «энтелехии»⁴.

«А когда та или другая вещь есть в возможности и когда нет, – это надо выяснить: ведь не в любое время она в возможности, – рассуждал Аристотель. – Например, есть ли земля человек в возможности или нет, а скорее, когда она уже стала семенем?» *Семя*, по Аристотелю, – пример «начала возникновения», которое находится в самом возникающем и становится «сущим в действительности» через себя⁵. Пример, видящий в сознании Розанова, для которого, по верному наблюдению В.В. Зеньковского,

*образ семени навсегда остался основным*⁶. Из этого первообраза Розанов и развертывает позднее свою *эротическую утопию*⁷, «скандальную» метафизику пола, в которой, например, Н.К. Михайловский усмотрел лишь «философическую порнографию», а Д.С. Мережковский – «половое сумасшествие».

Согласно Аристотелю, «всякая возможность чего-то есть в одно и то же время возможность его противоположности»⁸. Конкретизация этой мысли на примере семени ведет к толкованию последнего в качестве зародыша космической целесообразности, осуществленного «мужеженского слагания Космоса». Более того: Розанов говорит о «теизме семени, которое клубится чувством Бога»⁹. В семени предзадано единство противоположностей мужского и женского, как и космическое перводеление этого психофизического единства полов. «Итак, пол есть мировой феномен; – утверждает Розанов, – какой-то мировой, межзвездный и вместе микроскопический свет. Конечно, – это отнюдь не орган и не функция, а что-то духовное и одновременно физическое»¹⁰. Пол в его осуществленности – это любовь мужчины и женщины, которая и по происхождению своему, и по смыслу космична и божественна. «Указав пол, – говорит Розанов, – я указал *душу* и *жизнь*, родник духовного и физического, указал вместе родник вообще творческого...»¹¹. Розанов, таким образом, пробивался к пониманию религиозного смысла сексуальности. Религия для него – не иллюзия или форма сублимации, как у З. Фрейда, и не маскировка инстинкта, как у Ф. Ницше, а бытийная, кровная и вместе с тем духовная связь человека с Богом, переживаемая в акте любви, в эмоционально-волевом единении противоположных полов. «Да, мы верим – Бог есть любовь», – говорил он¹². М.М. Пришвин, испытавший на себе сильнейшее духовное влияние В.В. Розанова, видел в своем бывшем учителе географии *человека озарений, вспышек*, создателя религии «человеческих зародышей, религии святого семени»¹³.

Здесь перед нами, конечно же, не импрессионизм, а самая настоящая метафизика, обращен-

³ В.В. Розанов: PRO ET CONTRA. Антология. В 2-х кн. Кн. I. Спб., 1995. С. 97, 98.

⁴ Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 1. М., 1975. С. 182, 235, 246.

⁵ Там же. С. 243, 245.

⁶ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. С. 467.

⁷ См.: Matich O. Erotic utopia: the decadent imagination in Russiás fin de siecle. The University of Wisconsin Press, 2005. С. 236–273.

⁸ Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 1. С. 247.

⁹ См.: Розанов В.В. Во дворе язычников. М., 1999. С. 70, 98.

¹⁰ Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 216.

¹¹ Там же.

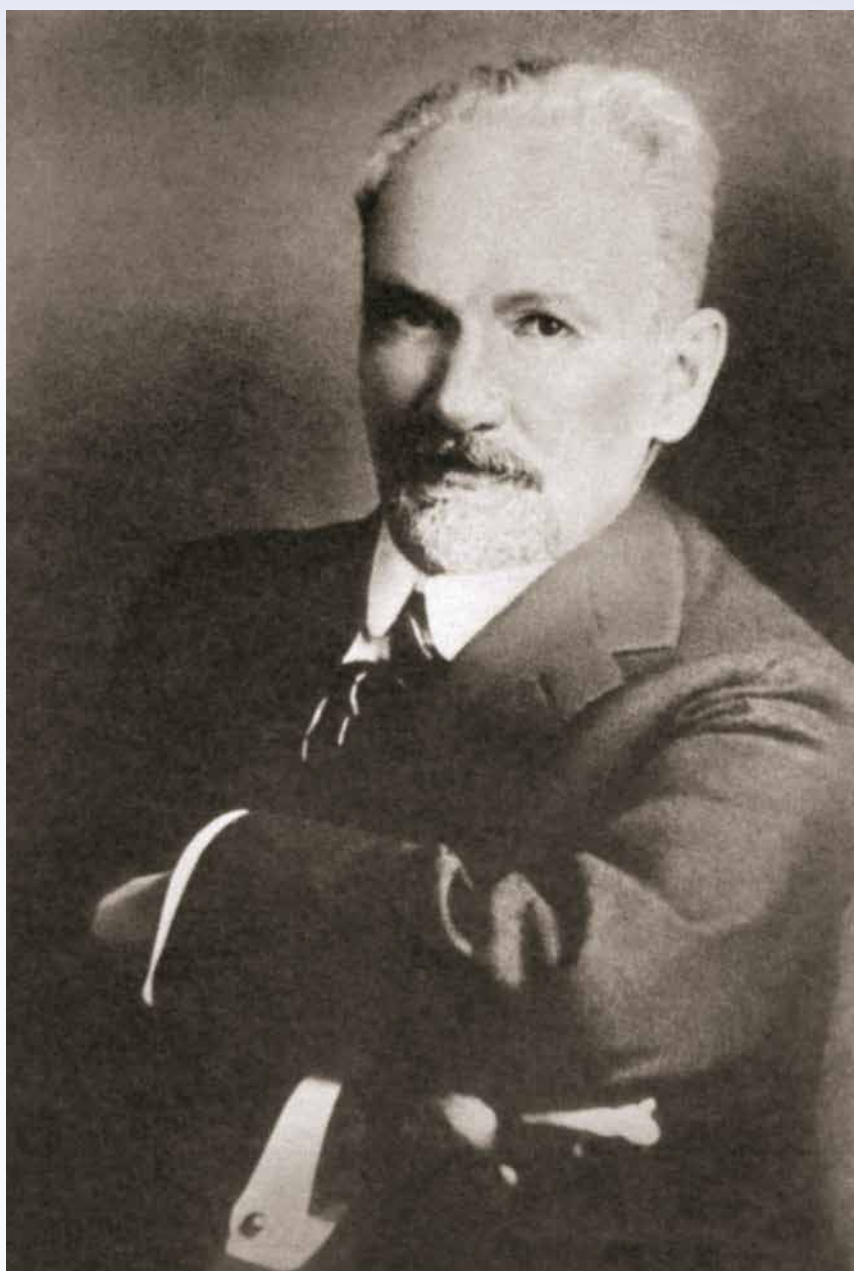
¹² Розанов В.В. Около церковных стен. М., 1995. С. 14.

¹³ В.В. Розанов: PRO ET CONTRA. Кн. I. С. 128, 116.

ная к сфере фундаментальных возможностей бытия, сфере *ноуменального* (любимый термин Розанова) и поэтому не сводимая к философии жизни. «В Розанове сильно мистическое чутье, чутье ноуменального, потусветного, – отмечал Волжский (А.С. Глинка)¹⁴, – он живо, почти осязательно испытывает кровное «касание мирам иным»¹⁵.

Жизнь как конечное, человеческое *бытие между рождением и смертью* интересовала Розанова в связи с бытием-до-рождения и бытием-после-смерти, т. е. в более широкой, религиозно-мифологической перспективе: «...близость к смерти как-то совпадает в трансцендентном значении своем и влиянии на человеческую психику с близостью еще не отодвинувшегося вдаль рождения»¹⁶. Размышляя о своеобразии индивидуальной религиозности Розанова, М.М. Пришвин отмечал, что «“молитва” Розанова направлена к *живому человеку* и тем самым священному, начиная с жизни его в утробе матери. Этот живой человек (личность) в нем единственная и незаменимая противопоставляется им всякой схеме, всякому отвлечению, и это у него как бы культ человеческого эмбриона»¹⁷.

Каждый человек, по мысли Розанова, обязан прочесть «внутренние письма» своей жизни, дарованной ему Богом. Личная жизнь – «единственный новый факт», который человек приносит с собой на Землю, «одна книга, которую человек обязан внимательно прочитать», которая «одна ему открыта вполне, и – *ему одному*». «Все

В.В. Розанов. 1910-е гг.

прочее не существенно»¹⁸. Прочтение-дешифровка основных событий личной жизни – рождения, влюбленности и брака, смерти – совершается путем их мысленного помещения в контекст великой духовной традиции. Без этого у нас вместо понимания скрытой целесообразности проживаемой жизни будет преобладать сознание ее «непонятности» или даже отчаяние. Размышляя о роке и фатуме в любви, Розанов писал: «Любовь – всегда предустановлена. Всегда это именно встре-

¹⁴ Александр Сергеевич Глинка-Волжский (1878–1940), русский религиозный мыслитель и историк литературы.

¹⁵ В.В. Розанов: PRO ET CONTRA. Кн. I. С. 423.

¹⁶ Розанов В.В. Около церковных стен. С. 11.

¹⁷ В.В. Розанов: PRO ET CONTRA. Кн. I. С. 131.

¹⁸ Розанов В.В. Сахарна. М., 2001. С. 25.

ча двух, из которых один уже давно взят “от ребра другого”. Встречаясь в любви, мы опять встречаемся, ибо и древле когда-то знали другу друга. Тут что-то ветхое происходит, мирозданное»¹⁹. Мы видим здесь, что *понимание бытия*, толкуемое Розановым как *акт творчества*²⁰, трансформируется в мифотворчество. Философ вполне осознанно созидал миф собственной жизни, совершал творческое *бытие-в-мифе*²¹. «Все его книги точно дневник», – отмечал прот. Г. Флоровский²².

«Не будь это чувство космическим, – говорил Розанов, мифологизируя свой духовно-эротический опыт, – оно было бы присуще некоторым, но, составляя самую суть жизни, оно обще всему живущему. Переход любви в рождение есть как бы земная эманация, на землю проливание существенно неземного, потустороннего начала: из него рожденный берет в себя потускневшую искру, но уже в меру этого родивший лишается ее. “Не рождая”, в будущем веке человек весь перейдет в ощущение переполненного существования, любовь и нежность, которая уже не истощается. Это будет вечная влюбленность без обладания, без разрешения, тот нимб непорочнейшего сияния, коим на земле она начинается и часто очень долго длится»²³.

Развертываясь из зерна-семени, человек-растение, умирая, также превращается в нечто, подобное окрыленному семени, становится зрячим зернышком Бога, средоточием вселенской памяти. Проникая в эзотерический смысл египетской «Книги мертвых», Розанов обращал внимание на то, что у египтян *не было слова смерти*, не было *словооборота*, коим они могли бы выразить: «человек умер», «я умер». Чувствуя некоторое «бессилие назвать смерть», они говорили вместо этого о «выходе из дня», об отправлении умершего в путешествие. То была какая-то захватывающая *игра в смерть*. «И вот еще наблюдение: все совершенно бесспорно умирающие вовсе не чувствуют, что они умирают, – отмечал Розанов, – т. е. *знают и видят до очевидности каким-то внутренним ощущением, что не умирают и жизнь перед ними... без конца!*»²⁴ Розанов, как известно, высоко ценил художественный анализ переживания смерти как процесса (*бытия-к-смерти*), данный Л. Толстым в повес-

ти «Смерть Ивана Ильича». Но в своем мифологизировании на эту тему он пошел еще дальше, преодолевая по-толстовски патологический страх смерти: «Теперь, насколько в нас струится *жизнь*, мы – *муже-женски*, и это не есть феномен нашего здешнего бытия, но ноумен тамошнего... <...> Феномен исчез (смерть): что же осталось? Ноумен, т. е. один *пол*, податель жизни, родник на земле жизни, “который не принимает в себя начала (принципа) противоположного себе” (Платон), и есть в смертном начале бессмертное. Когда так – все понятно: смерть есть закрытие органов ощущения, земных очей, земного уха, земного обоняния, земного осязания ест., т. е. в рождающем все это поле, вечные очи, вечное осязание, вечный слух, – фундамент земных феноменов...»²⁵

Смерть здесь мыслится как прорыв сбрасывающего плотную, земную оболочку психофизического начала в ноуменальную сферу: прошедшая феноменальные испытания рождения, брака и смерти космическая сущность, энтелехия («зерно-око») возвращается в свое космическое лоно. Это – переход в инобытие, сопряженный с целым рядом новых, «неземных» прозрений, о которых повествует египетская «Книга мертвых».

Размышляя, между прочим, о судьбе поэта Алексея Кольцова, Розанов вопрошал: «...Не *отклонился* ли он от “святой” воли “зернышка”, которое ему *предшествовало*, при жизни *стояло над* ним “оком” и теперь уже в новой и окончательной могиле, *будет судить* его?»²⁶ Мысль об онтологической необходимости суда и неизбежности наказания была усвоена Розановым задолго до его обращения к символике рождения и смерти в культурах Древнего Востока – при чтении романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором, по его мнению, писатель не вполне осознанно воплотил ветхозаветное понимание бытия. Нередко он обращается к разным вариациям продуманного Ф.М. Достоевским экзистенциального доказательства бытия Божия. «Человек и не знал бы вовсе Бога, не томился бы о нем, если бы он не *начинался* и не *кончался*. Конечное ищет бесконечного – вот родник религий!»²⁷ Как заметил Г.П. Федотов, Розанов «мучается временностью

¹⁹ Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 136.

²⁰ См.: Розанов В.В. О понимании. СПб., 1994. С. 326.

²¹ См.: Водолагин А.В. Онтология политической воли. Тверь, 1992. С. 20–23.

²² В.В. Розанов: PRO ET CONTRA. Кн. II. С. 397.

²³ Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 46.

²⁴ Там же. С. 36, 43.

²⁵ Там же. С. 46.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 232.

человека, категорией времени, но не хочет отказаться ни от чего, что во времени, ибо сюда он излил всю свою любовь без остатка»²⁸.

Временное, конечное бытие человека, по мысли Розанова, таково, что оно по самой своей метафизической природе всегда с необходимостью продуцирует религиозность. Вклад Розанова в формирование «нового религиозного сознания» в России был связан с выявлением онтологических предпосылок религиозности, проявляющейся уже в семье как «священном явлении»²⁹. Хотя в глазах представителей церковной иерархии того времени Розанов был опасным еретиком, само его «еретичество» проистекало, по наблюдению З.Н. Гиппиус, «из его религиозной любви к Божьему миру, из религиозного его вкуса к миру, ко всей плоти»³⁰.

С 1910 года (в связи с тяжелым заболеванием жены) тема смерти выходит для Розанова на первый план: «Я говорил о браке, браке, браке... а ко мне все шла смерть, смерть, смерть». По воспоминаниям З.Н. Гиппиус, ощущение смерти всегда жило в нем, «а тут оно выплыло из глубин наверх, расширилось, покрыло все другие ощущения»³¹. Апокалиптические настроения становятся для него определяющими. Поразившая его ранее при чтении Апокалипсиса мысль о *божественности, благодатности и правде смерти* (а не пустоте, холоде и ужасе) развертывается в контексте уже по-новому понимаемого и переживаемого христианства: через болезни, страдания и смерть отпавшее от Бога человеческое «Я» возвращается к священному первоистoku своего бытия. «Это влечение к несбывшейся отчизне звучало в предсмертном Розанове как лейтмотив, как доминанта, – вспоминал Э.Ф. Голлербах. – Судьба не пал-

кой загнала его в сад смерти, а увлекла любовно и нежно. И разве страшен этот сад? <...> Не страшна смерть, но страшно предсмертное томление»³².

Нужно отметить, что в своих поисках «эссенциальности»³³ человека, проявляющейся в опытах переживания *непонятного* в любви и умирании, Розанов заострял внимание на страдательных состояниях человеческой индивидуальности, которая еще не заявила о своей воле (эмбрион, младенец) или уже отказалась от нее, выбрав безволие. Розанов признавался в «потере своей воли над собой» с 7–9 лет, приписывал себе некое специфическое безволие, отсутствие «воли к жизни»³⁴, т.е. существенный изъян «первозданной человеческой природы». Не эта ли патологическая *слабость воли* обнаружилась в его слепоте по отношению к христианскому «волеию свободы», в превратном толковании христианства как религии смерти? Возможно, в иерархии ступеней бытия существуют такие уровни, которые не улавливаются безвольным созерцанием (эстетически), но доступны лишь *волевой интуиции, волящему интеллекту, практическому разуму*. Теоретически Розанов признавал возможность такого духовно-практического постижения бытия, но в своем творчестве он реализовал преимущественно эстетическую установку на безвольное созерцание заданных неведомой «всемирной Волей» эйдосов. Открывающийся же в волевом, творческом активизме смысл бытия оставался для него, как для эстета, недоступным. Отсюда – преобладание в его работах трагического сознания абсурдности человеческой жизни и мировой истории в целом. Космос так и не стал для него Царствием Небесным, которое «силою берется».

²⁸ В.В. Розанов: PRO ET CONTRA. Кн. II. С. 394.

²⁹ Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 138, 217.

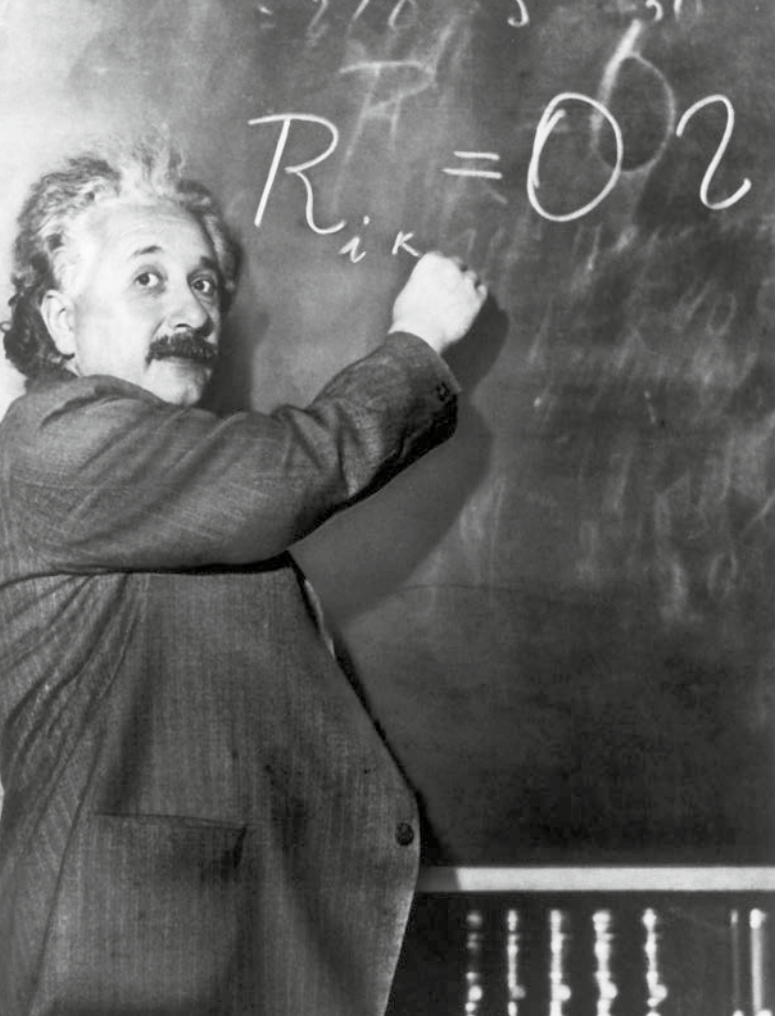
³⁰ В.В. Розанов: PRO ET CONTRA. Кн. I. С. 152.

³¹ Там же. С. 171.

³² Там же. С. 310.

³³ Жизненная необходимость, условие жизни. – Прим. ред.

³⁴ См.: Розанов В.В. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 249, 232.

И. Стульпинене

Главное формулами НЕ ВЫЧИСЛИТЬ

*Урок физики для
Нового человека*

В XXI веке, уже очевидно, образованным будут считать того, кто имеет самые главные – мировоззренчески опорные – знания. Без них заблуждаются, увязают, тонут в математически-технологических подробностях науки, а отличная рекомендация психологов – сочетать чувствующий ум и думающее сердце – так и остается красным словом, а не делом.

Искусство, объединяющее науку и философию

Опоры сердечного образования – учение Живой Этики и философия Гуманной педагогики, постулаты которой сформулировал современный педагог-гуманист, академик Шалва Амонашвили. Главное – постулат примата Духа. «Гуманный человек – смертный, ищущий в себе бессмертие», – эта мысль Ш. Амонашвили становится путеводной звездой школьного учителя. Укрепляется понимание, что педагогика может стать искусством сердечного объединения науки и философии и способствовать более полному видению картины Мира.

Без истинного понимания гуманности как поиска вечного во временном, по определению Ш. Амонашвили; без единой нити, связующей все естествознание, – проверки любых знаний духовными ценностями; без дополнительности, ведущей к синтезу, – нет никакой надежды реализовать древнейший совет: «Познай себя, и ты узнаешь Вселенную и Богов».

Каркас мировоззрения может быть только духовно-нравственным, нельзя же постоянно принимать преходящее за Вечность! Но к чему естествознание, в котором нет места главному естеству – человеку и его жизни? К чему вся школьная физика или химия, география или астрономия, если они ограничены изучением лишь косной природы? Если знания не направляют мысль к главному – к поиску Идеала? Если все эти науки усиленно отмахиваются от всего, в чем можно обнаружить хоть малейшие чувства, как будто это не их сфера действия?

Сколько еще будем маяться с этим энциклопедически-подобным «образованием»?

Точно заметил Георг Лихтенберг: «Кто понимает только физику, не понимает и ее».

Не буквою только, но чувством и духом законов

Альберта Эйнштейна волновали вопросы образования. Он писал: «Где только возможно, изучение должно стать переживанием, и этот принцип, наверное, будет проведен в жизнь будущей реформой школы». Но почему столь упорно, не обращая никакого внимания на новейшие научные открытия, базовое естествознание «защищает» трехмерие, ужимается в нем, до сих пор представляя наш мир закрытым от всего Космоса? Для чего так прочно мы привязались только к линейным и упрощенным моделям явлений и процессов, только к логическому объяснению явлений Природы?

Художники-импрессионисты давно нашли способ передавать чувство и глубину впечатления, рисуя картины обобщенными мазками и не считая нужным прорисовывать детали. В будущей школе также придется всем доступную и понятную картину мира вырисовывать обобщенным широким видением – поможет *чувствознание*.

Всеми усилиями следует направлять мышление к пониманию открытого, многомерного, нелинейного, многообразного, сложного, живого – Бесконечного и Вечного – Мира. И как годится для этого прекрасная наука, которую зовут Физика!

Откроем для мысли просторы космические.

Многомерность

Точку мы получаем сечением линии, линию – сечением плоскости, плоскость – сечением трехмерного пространства. Вывод такой: трехмерный мир – упрощенный случай (сечение) четырехмерного, а любой N -мерный мир – упрощенное подобие мира еще большей мерности.

Так же и человек, ограничив себя тремя измерениями, отрицает многомерность. Трехмерность – его добровольные оковы.

Двигаясь по направлению, которого в ней самой быть не может, точка создает линию. Двигаясь по направлению, которого в линии нет, линия создает плоскость. Двигаясь в непривычном направлении – ввысь, плоскость творит трехмерное пространство. Так и трехмерный человек, двинувшийся в неизведанное, обретает способность творить.

Благословенный Будда говорил, что «человек есть процесс».

Дерзнем познать себя – многомерного! Пойдем необычным путем.

Кристалл духовных драгоценностей

Чем отличны графит (сажа) и алмаз, если оба состоят из атомов одного и того же химического элемента – углерода?

Решетка графита гексагональная: состоит из слоев, в которых равномерно расположены одинаковые плоские шестигранники атомов углерода. Притяжение между слоями слабое. Когда пишем карандашом, слои, легко отделяясь друг от друга, остаются на бумаге.

Решетка алмаза – тетраэдр. Каждый атом находится на вершине тетраэдра. Расстояния между атомами строго одинаковы, что является причиной исключительной твердости алмаза.

Когда графит становится алмазом, в недрах, где велики температуры и давления, из плоскостей рождаются объемные структуры: каждый атом «восходит» на вершину тетраэдра – навсегда. И происходит «чудо»: материал становится прозрачным, приобретает способность радужно светиться!

Добавилась только одна – третья – мерность.

Но если с твердыми веществами могут происходить такие превращения, что будет, когда к трем мерностям человека добавится четвертая? Каким станет человечество, если разные качества людей «взойдут на вершины», т.е. пороки превратятся в добродетели:

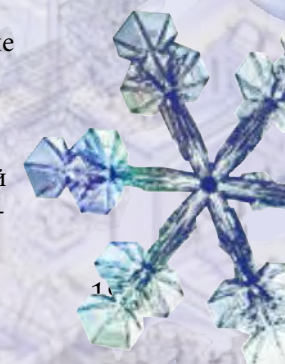
враждебность станет дружелюбием,
легкомыслие – ответственностью,
трусость – смелостью,
лень – трудолюбием,
сладострастие – порядочностью,
жадность – щедростью,
подозрительность – доверием,
предательство – преданностью,
грубость – тонкостью,
эгоизм – самоотречением,
ненависть – любовью?..

Произойдет «чудо»: человек станет Человеком.

Четырехмерный – значит, духовный!

Когда сажа звериного эгоизма превратится в углерод «высшей пробы» – в человечность, тогда человек станет чистым, как алмаз! Менять свою низшую животную хватку на высшее благородство души – значит, как говорили древние алхимики, искать кристалл духовных драгоценностей – философский камень мудрости.

Кристалльность души – не случайный дар Природы, но результат кропотливо-

Иоганн Кеплер

го самосовершенствования. Урывками ее не достичь – каждый день приходится «прижимать» и «выжигать» свои пороки.

Бывает, путь на вершину преграждают страхи: не понять, не выучить, не иметь, не понравиться, не достать, не преодолеть, не выиграть, не угодить, не так выглядеть, не успеть и т.д. Это они заставляют терять человеческий облик, – и на вершине с ними не удержаться.

Страх есть нарушение равновесия, потому страх и равновесие жить рядом не могут.

Чистота высот всегда светла – низкий эгоизм всегда загрязнен страхом.

Труд преодоления силы тяжести

Первое свойство работы силы тяжести: она зависит от разницы уровней начального и конечного положения тела и не зависит от формы траектории его.

Так и с трудами человеческими: они не зависят от длины и формы пройденных путей. Главное – преодолеть силу тяжести и поднять свой уровень, чтобы, когда придет время подводить жизненные итоги, не оказалось, что вы блуждали от одной горы к другой, но так и не поднялись ни на йоту.

Так делать или сделать? Быть или казаться?

Второе свойство работы силы тяжести: при замкнутой траектории ее работа равна нулю – формула механического сизифова труда. Но человеку суждено преодолеть и удержаться! И помните

опыт альпинистов: подняться легче, сложней с вершины не упасть.

«Не даст тому второго блага небо, / Кто первый дар не может удержать» (Джордано Бруно).

Чем выше тело над землей, тем больше его потенциальная энергия. Однако от уютной цветущей долины трудно отрываться.

«*Но есть путь земли и путь крыльев; разберись и отмерь*», – советует Мыслитель.

Закон Восхождения

Исаак Ньютон открыл свой знаменитый закон всемирного тяготения, опираясь на пионерские труды Иоганна Кеплера, который писал, что тяготение есть «взаимное телесное стремление *сходных (родственных)* тел к единству или соединению». «Гравитацию я определяю как силу, подобную магнетизму – *взаимному* притяжению (курсив мой. – И.С.)»¹. Всемирность

тяготения не в том, чтобы что-либо к чему-либо притянуть. А в том, что все «материальные точки» притягиваются к центрам тех сфер, в поле которых они кружатся: электрон – к ядру, камень – к Земле, планеты – к Солнцу...

Может ли вообще состояться притяжение, если тянуться не к чему, если нет фокуса, стержня или центра как своеобразных магнитов?

Силы тяготения – центральные, сказано в учебнике: все влечется к центру.

И сила притяжения всегда есть сила единения.

И если центр активный, огненный и мощный, то он притянет всех и вся и объединит в систему.

Так же и люди: тянутся к тем, кто способен кружиться в стремительном водовороте, и удержаться, и этим создавать поле возможностей для всех притянутых. Многие тянутся к высоким, светлым личностям, стремятся в сферу их влияния и не желают быть притянутыми в сферы темной, нечистой, унижающей человеческое достоинство деятельности.

Не в том ли суть всемирного тяготения, чтобы все мы – всем миром и все мирно! – тянулись бы к ядру Света. К Солнцу.

Все – мирно, значит – по свободной воле. Мы – существа, свободною волей способные Свет избирать! Распознать бы только, где Свет, где тьма, чтобы не уплыть во тьму хаоса при неразумном отторжении Света, ибо притяжение – явление обоюдное.

Закон всемирного тяготения – намек на притяжение подобного подобным.

¹ Цит. по: Лишевский В.П. Рассказы об ученых. М., 1986. С. 29.

Послание Ньютона в будущее

Пишут, что Исаак Ньютон был алхимиком, – и удивляются.

Но человек, открывший всеобъемлющие законы, не мог быть наивным алхимиком, который пытался найти эликсир жизни в прямом понимании этого слова. Он – глава монетного двора Англии – не нуждался в превращении свинца в золото.

Много выше был вектор его поиска: познать великие Тайны Вселенной и попытаться сообщить о них человечеству новым способом. Ему, кто был способен понимать глубинную суть алхимических символов и превращений, под силу было приподнять завесу тайн мироздания и описать эти тайны другими, временем востребованными – математическими – символами.

Существование Творца для Ньютона было не гипотезой, но Истиной. Ньютон писал: «Такое изящное соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и власти всемогущейшего и премудрейшего существа... Сей управляет всем не как душа мира, а как властитель вселенной и по господству своему должен именоваться Господь Бог Вседержитель»².

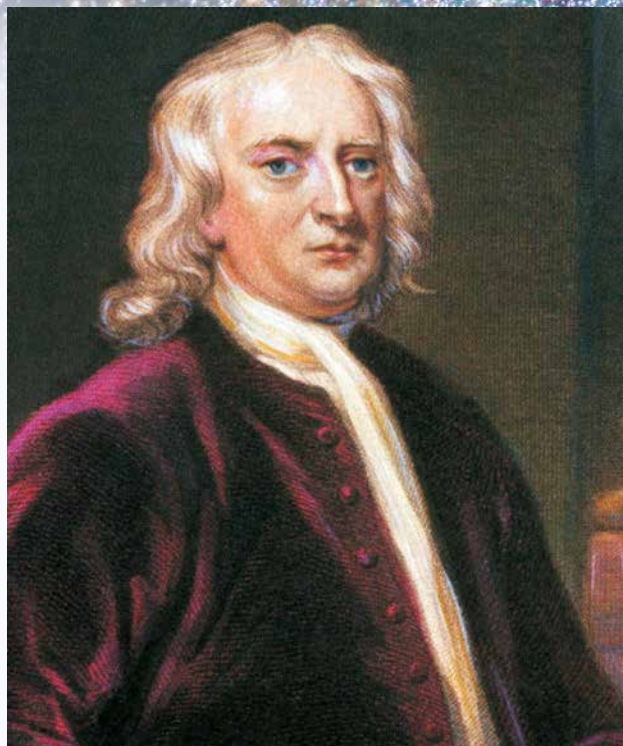
Кто ищет земное, тот земное золото находит, но кто на небо поиск направляет, тот награждает золотом небесным. Оно зовется мудростью.

Ньютон, глубокий мыслитель, – пример великой веры ученого в Высшее. *«Бог не существует в пространстве и времени, но сам своим существованием производит пространство и время»*³.

Вечность во временном

Основное понятие *причинной* механики Николая Козырева – *ход времени* – скорость превращения причины в следствие. Козырев уточнил, что ход времени есть линейная скорость поворота от причины к следствию. Поворот может происходить по часовой стрелке или против. Противоположные повороты дадут и противоположные следствия. Ход времени от причин к следствию ассиметричен: мы никак не можем спутать рождение и смерть; не спутаем краски, которые уже превратились в творение художника, с красками в упаковке – средством для этого творения.

После многих интереснейших экспериментов Козырев пришел к заключению, что время может оказывать механические воздействия на материальные системы, что оно втекает в сис-

Исаак Ньютон

тему через причину к следствию; и если вращение увеличивает втекание времени, тогда система может из времени получить дополнительную энергию.

Потрясающие выводы! Из-за действий человека время либо втекает, либо вытекает; соответственно энергия либо образуется, либо расходуется. Ход времени дополнительную энергию нам дарит, если мы... «правильно» вращаемся.

Значит, необходимо научиться чувствовать и распознавать, правильны ли «вихри жизни» нашей. В утечке энергии не следует обвинять никого, кроме себя самих, если впустую тратим время жизни, предназначенной для усовершенствования. Может быть именно об этом нас предупреждает миф о Хроносе (*греч.* время), пожирающем своих детей? Чем же иначе объясним невероятную работоспособность одних (всегда творящих) людей и бессмысленность существования тех, кто «прожигает» и «убивает» Время?

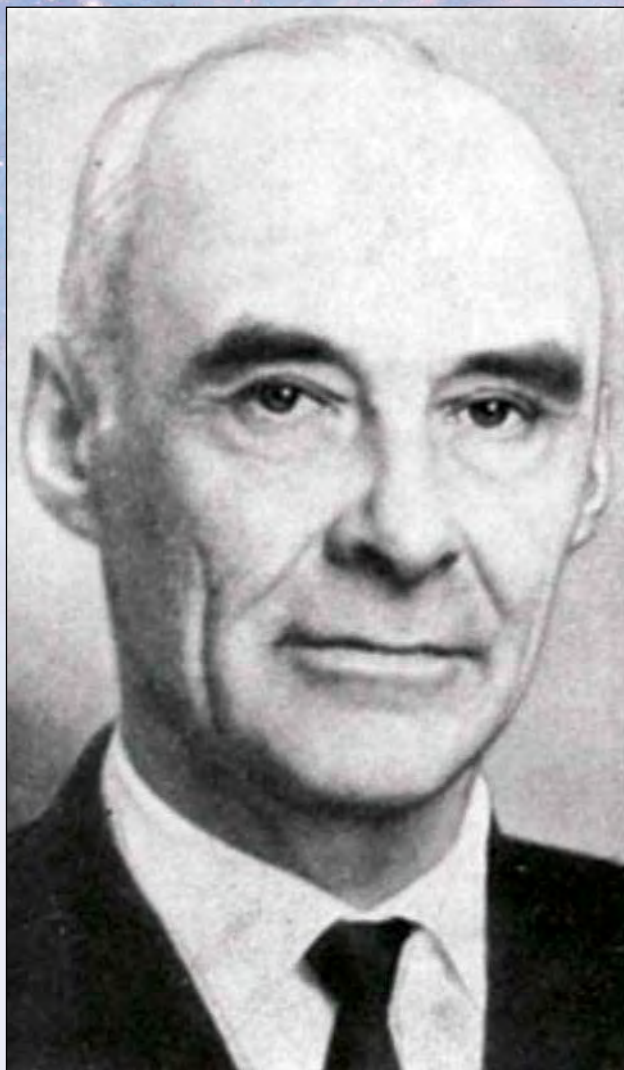
Что «убивают» и «прожигают» они? О, если бы осознали, что для себя творят!

По мнению Козырева, материя не экранирует время, его можно экранировать только физическим процессом. Это означает: ничем иным, как только делами, сможем «удлинить день» и только делами можем изменить свою судьбу.

Вещи, нас окружающие, – не единственный показатель успешности жизни.

² Цит. по: Ньютон и философские проблемы физики XX века. М., 1991. С. 104.

³ Цит. по: Энциклопедия для детей. Физика. Том 16, часть 1. М., 2000. С. 345.

Николай Козырев

Закон творчества

Закон Ома гласит: сила тока прямо пропорциональна напряжению и обратно пропорциональна сопротивлению.

Следовательно, если напряжение равно нулю – сила тока равна нулю.

Так же и с человеком: если нет напряженных усилий и поиска, то не течет ток творчества – даже самый слабый. Что способен создать тот, кто постоянно ищет «релакса»?!

Закон Ома помогает осознать: без напряжения творчество не рождается.

Еще одно следствие: если сопротивления совсем нет, сила тока так увеличивается, что проводник может сгореть, а если сопротивление слишком большое, то и сила тока уменьшается до нуля.

Закон Ома помогает осознать: *если препятствий нет, то и творчества нет – жизнь прожи-*

гаем впустую; если препятствия растут горой, увеличивай и творческое напряжение – ток никогда не угаснет!

Относительность наших знаний

Относительны покой и движение, форма траектории, длина и скорость, длительность событий, масса и многое другое – они зависят от выбора системы отсчета.

Что же получается – сколько систем отсчета, столько и решений? И все верно, и все имеют право быть? Каждый из нас живет в своей относительной вселенной?

Стало быть, очевидность – иллюзорна? Истина только действительность?

Да, к Абсолютной Истине идем через множество относительных, а потому разных истин. Чем выше «колокольня» наблюдателя, тем больше разных истин он вмещает. Великий мудрец Индии Шри Рамакришна так обратился к нам:

«В ночном небе видно много звезд, но они исчезают с восходом солнца. Поэтому разве можно сказать, что днем на небесах нет звезд? О человек, если ты в невежестве своем не находишь Бога, не говори, что его нет».

О теории абсолютности

Как, не находите в учебнике такой темы? Не может быть – должна быть! О да, вы правы, но учебник, кажется, не совсем...

Дело в том, что до Альберта Эйнштейна абсолютными величинами (инвариантами) считались время, пространство, масса, энергия. Вторым постулатом своей теории, абсолютной величиной – инвариантом – Эйнштейн объявил скорость света. Явления природы Эйнштейн стал как бы «измерять светом».

Название теории относительности, данное М. Планком, прижилось, хотя свою теорию Эйнштейн хотел назвать «теорией инвариантов» – утверждают исследователи жизни Эйнштейна. Он писал: «Теперь о термине “теория относительности”. Вынужден отметить, что он неудачный и не однажды создавал философские недоразумения»⁴.

Так что объяснение Эйнштейном относительности – не самое главное в теории. Много важнее, что теория относительности с равным правом может быть названа «теорией абсолютности». Первым это отметил Герман Минковский; именно так свою теорию в беседах иногда называл и сам Эйнштейн⁵.

⁴ Einšteino mintys. Sudarė Calaprice Alice. Kaunas, 2000. P. 211. (Мысли Эйнштейна. Составитель Калаприс Алис. На литовском языке. Каунас. 2000. С. 211).

⁵ Ефименко В.Ф. Методологические вопросы школьного курса физики. М., 1976. С. 179.

Главное, что из теории относительности нам следует усвоить, это понимание: Свет есть Абсолютное Все. Остальное, в сравнении со Светом, – относительно!

Увы, как часто, применяя выводы теории относительности к своей личной жизни, легкомысленным «Все относительно!» человек оправдывает себя и свои поступки, ссылаясь аж на самого Эйнштейна.

Не ограничимся относительным. Целью жизни пусть будет стремление к непреходящему – к Свету и Знанию.

Основы мира

Задумав себе главный вопрос: есть ли место Творцу в моем мироощущении?

$$E = mc^2.$$

Как изящна, как гениально проста эйнштейновская формула эквивалентности массы и энергии! О ней Эйнштейн писал: «Мы имеем две реальности: вещество и поле... До исследований теории относительности мы бы отвечали так: <...> поле означает энергию, вещество означает массу. Но теперь <...> такой ответ нас не удовлетворяет (выделено мной. – И.С.)»⁶.

Значит, разделить материю всего лишь на вещество и поле – означает сказать только часть того, что вкладывал в уравнение великий физик. Однако в университете нам разъясняли именно так, как не хотел бы автор!

«Не надо ценить слово разъясняющее. Бери утверждение Первоучителя»⁷, – говорит мудрость Востока. Последуем совету: почитаем «Эволюцию физики» Эйнштейна и Инфельда.

По Эйнштейну, вещество есть энергия – сильно сконцентрированная и спрессованная в определенном очень малом объеме пространства. Но и поле есть энергия – только очень разреженная, утонченная и рассеянная на огромном пространстве.

Вот как это объяснено в «Эволюции физики»: «То, что воздействует на наши органы восприятия как вещество, по сути есть только огромная концентрация энергии в сравнительно малом пространстве. Мы могли бы веществом называть те области пространства, где поля необычайно сильны. <...> В этом смысле брошенный камень есть меняющееся поле, в котором самое интенсивное состояние поля летит в пространстве со скоростью камня (выделено мной. – И.С.)»⁸.

Помыслим не только как физики и математики, помыслим шире: все есть энергия, но вещество – спрессованная, поле – рассеянная. Мир есть энергия! И потому не покидает чувство, что надо наконец формулировать открыто: вещество и поле – только другие названия двух изначально противоположных понятий – Материя и Дух.

Две основы Мира:

Материя – кристалл Духа;

Дух – сверхтонченная Материя.

Без соединения их в нашем сознании не только окружающий нас мир – даже самих себя не поймем!

Пора в школьную физику вводить коренные понятия – Дух и духовность!

Совершенный полет

Эйнштейн так объяснял универсальную формулу: «Оба закона сохранения – закон сохранения массы и закон сохранения энергии – теория относительности объединяет в один закон, закон сохранения массы-энергии»⁹.

Следовательно, бесконечно меняются формы во Вселенной, но сохраняется общее количество вечной и неиссякающей Космической энергии. Мать-Природа будто играет: то неизвестным нам способом на какой-то срок «материализует-кристаллизует» энергию в каких-то точках Вселенной, то «рассеивает-испаряет» ее в необъятных просторах, а то снова концентрирует, каждый раз сохраняя общее ее количество. Ткет из двух нитей – духовной и материальной – великая Мать-Природа свой волшебный ковер и приглашает к игре.

Учитель говорит: «Без пар противоположностей невозможно подниматься к вершинам».

Гениальный физик Эйнштейн осознал это, – и целостное его мировоззрение объединило противоположности в одном уравнении.

Закон, который наука еще не открыла

Сегодня урок – исключительный: на основании универсального уравнения Эйнштейна скажу вам о еще не открытом наукой законе Природы.

Способны ли вы представить, что вы умерли, вас нет или вы вообще не существуете?

Может ли бесследно «исчезнуть» человек после смерти?

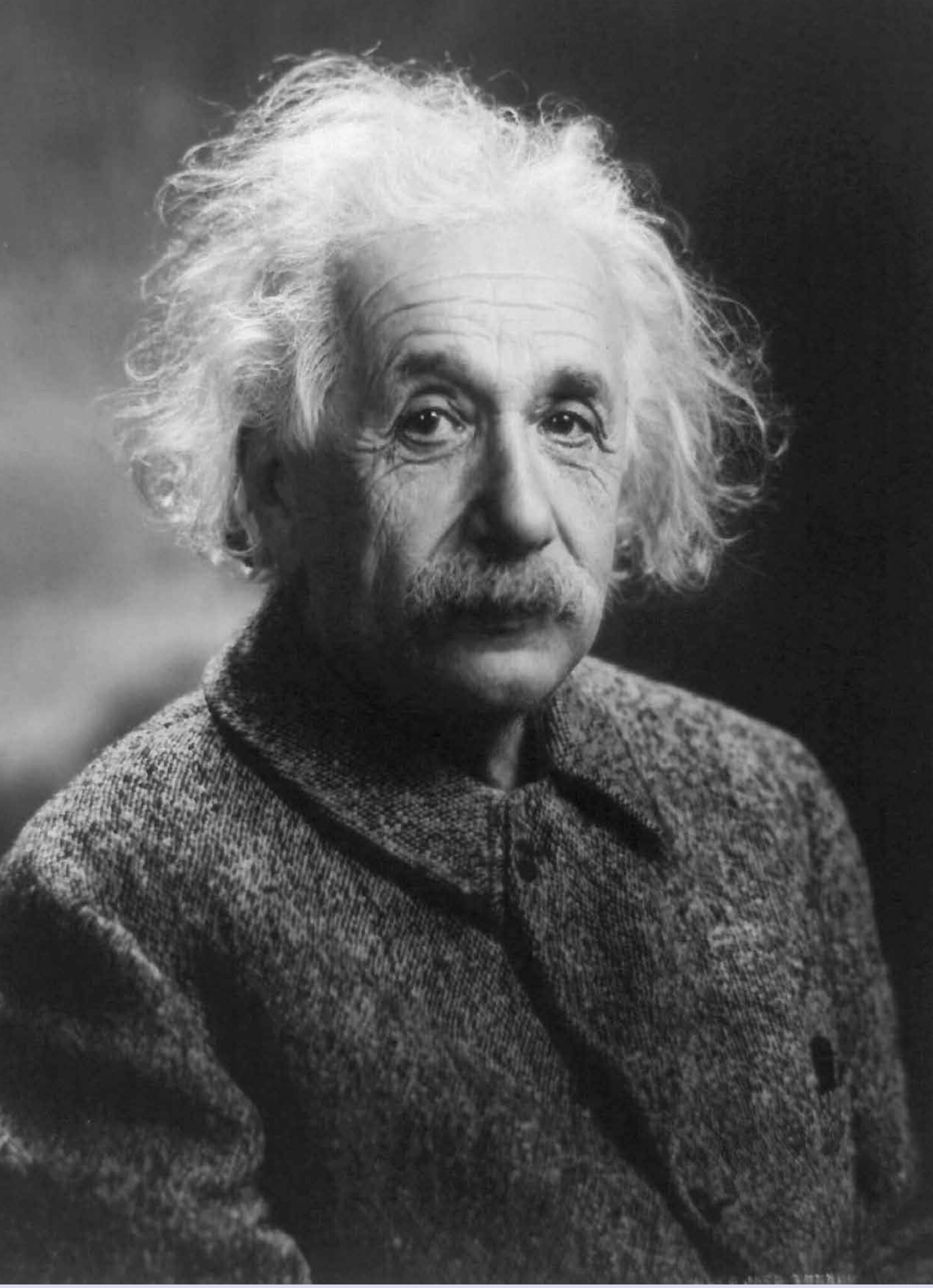
Не физики это дело?

⁶ Einšteinas A. Infeldas L. Fizikos evoliucija. Vilnius. Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. 1959. P. 267. (Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. На литовском языке. Вильнюс, 1959. С. 267.)

⁷ Листы сада Мории. Зов. 12 июля 1922 г.

⁸ Einšteinas A. Infeldas L. Fizikos evoliucija. Vilnius. Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. P. 268.

⁹ Там же. С. 270.

Еще как физики! Не можем обходить стороной столь важный – важнейший и главный вопрос Бытия – вопрос жизни и смерти.

Если, согласно Эйнштейну, все есть энергия и если даже камень есть летящий «ком» энергии, то и человека можно считать временным сгустком огромной энергии в очень малом участке трехмерного пространства! Той энергии, что называется «человек» и которая, жутко сконцентрированная, «умещается» в крохотной части пространства, также подлечит то «разливаться» в огромном пространстве, то заново материализоваться.

Поэтому универсальную формулу Эйнштейна $E = mc^2$ я чувствую и воспринимаю как закон сохранения Жизни: Жизнь – вечная и единая Духоматерия! Она, как Космическая энергия, не исчезает – только из одной формы переходит в другую!

Если закон этот назову по-другому – законом перевоплощения, пострадают ли от этого ваши рациональные, строго логические, научные знания? А пусть и пострадают – куда большим достижением будет, если кто-то вдруг для себя откроет: смерти, по сути-то, нет!

О космической религии Эйнштейна

Духовность материального мира бывает временно отвергаема, но не может быть опровержена. Потому истинной науки без веры в Высокое не бывает.

Пусть вера Альберта Эйнштейна будет примером. Он писал:

«Каков смысл жизни человека или любого другого живого существа? Знать ответ на этот вопрос означает быть религиозным. <...> Человек, который жизнь свою и себе подобных существ считает бессмысленной, не только несчастлив, но и не приспособлен к жизни». «Личностного Бога, который непосредственно влияет на поведение индивида, я не понимаю»¹⁰. «Не могу представить наказывающего и вознаграждающего свое же творение Бога, который в таком случае являлся бы лишь отражением человеческой слабости»¹¹. «Я не верю в личностного Бога и никогда этого не скрывал»¹².

«Я верю в Бога Спинозы, проявляющего себя в гармонии всего бытия, но не в Бога, занимающегося судьбами и делами людей»¹³.

«В этой гармонии космоса, которую я своим ограниченным человеческим умом способен узреть, находятся люди, которые утверждают, что Бога нет. И, что самое обидное, желая укрепить такую точку зрения, они цитируют меня!»¹⁴.

«Полагаю, что все научные идеи рождаются из глубоких религиозных чувств... К тому же я уверен, что такая религиозность <...> есть единственная творческая религиозная деятельность нашего времени»¹⁵. «Каждый жаждущий науки убеждается, что в законах вселенной проявляется дух намного сильнее человеческого... Вот почему научные устремления пробуждают некоторое истинно религиозное чувство, сильно отличающееся от наивной человеческой религиозности»¹⁶.

«Назову это космическим религиозным чувством». «Передать это чувство ничего о нем не знающему очень трудно. <...> Такое религиозное чувство, не связанное ни с догмами, ни с человекоподобным Богом, имели религиозные гении всех времен; стало быть, нет церкви, учение которой опирается на такое чувство. Полагаю, что главная роль искусства и науки – возбуждать и поддерживать это чувство в тех, кто ему открыт»¹⁷.

«Космическая религиозность является самой благородной и самой мощной движущей силой научных исследований»¹⁸.

«Я являюсь глубоко религиозным неверующим. <...> Это какой-то новый сорт религии»¹⁹.

Струнный концерт для Вселенной

Таким примечательным заголовком Алексей Левин назвал статью-обзор о теории суперструн, и начал ее так: «В ближайшем будущем физика может вернуться к пифагорейской идее мировых гармоний. Но, разумеется, на новом уровне». В 1968–1970 годы теоретическая физика изобрела модель элементарных частиц в виде сверхмикроскопических одномерных камертонов, вибрирующих на определенных нотах. Вскоре родилась теория суперструн и была сформулирована «...ее задача – объединить все фундаментальные взаимодействия и стать Теорией Всего»²⁰.

Чем же сердца и умы завораживает новая, еще даже не оконченная теория?

¹⁰ Einšteinas A. Infeldas L. Fizikos evoliucija. Vilnius. Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. P. 185.

¹¹ Там же. С. 189.

¹² Там же. С. 195.

¹³ Там же. С. 186.

¹⁴ Там же. С. 192.

¹⁵ Там же. С. 187.

¹⁶ Там же. С. 191.

¹⁷ Там же. С. 188.

¹⁸ Там же. С. 189.

¹⁹ Там же. С. 195.

²⁰ Левин А. Струнный концерт для Вселенной. <http://www.inauka.ru/science/article62982.html>.

1. Наивысшим единением.

Струна – одномерный объект. Она подобна бесконечно тонкой нити, которая может сворачиваться, изгибаться и колебаться. Струна ни из чего не сделана, ее невозможно на что-нибудь разложить. Когда струны вибрируют, они создают и поля, и частицы.

Вибрируя, струны «поют» целым набором частот.

Суперструна – это суперсимметричная струна. Суперструны живут в суперпространстве. Мир суперструн десятимерный, и в нем нет противоречий, гласит теория.

В десятимерии разрешаются не все математические операции, например, можно умножать, но деление – запрещено. Там умещаются все фундаментальные силы, даже «строптивца» гравитация. В суперпространстве нет «дележки» – только единение!

2. Наивысшим милосердием.

Противоречия исчезают по причине еще одного удивительного свойства суперсимметрии: у любой частицы, рождающейся от вибраций суперструн, есть суперпартнер – частица, невидимая в нашем мире.

Суперпартнеры сотрудничают со своими частицами!

Не сказка это и не вымысел; вот что ученый пишет: «Суперпартнеры “кооперируются” и замечательным образом сглаживают “недостатки” друг друга»²¹. «В суперсимметричных теориях каждая частица обязана иметь суперпартнера. Суперпартнер частицы α – частица совсем другого типа (не античастица!), но она обязана принимать участие вместе с α во всех процессах, с нею происходящих. Теория будет не противоречивой, только если ни при каких условиях не сможет родиться частица без суперпартнера. Появление таких одиноких частиц означало бы нарушение суперсимметрии»²².

Вершина симметрии: есть частица – есть для нее и суперпартнер!

Сама собой рождается важнейшая мысль.

Мы состоим из частиц. Если у каждой частицы, без исключений, есть суперпартнер, тогда для каждого из нас в суперпространстве существует Суперпартнер! В трехмерии видеть его мы не можем, но он есть величайшая наша опора и помощь.

Величайшее милосердие – Учитель!

Какими другими именами люди веками зовут этого Суперпартнера?

Совестью?

Высшим «Я»?

Ангелом-хранителем?..

Не риторический это вопрос – это уже наука.

3. Суперсилой простоты.

Ученые объясняют, что симметрия чего-либо – это инвариантность, неизменность по отношению к преобразованиям, потому что именно симметрия заставляет окружающий мир подчиняться законам сохранения. Более высокая симметрия

²¹ Семихатов А. Суперструны: на пути к теории всего // Наука и жизнь. №2, 1997. С. 24.

²² Семихатов А. Суперструны: на пути к теории всего // Наука и жизнь. №3, 1997. С. 57.

соответствует “большей демократии” среди частиц, но при уменьшении симметрии происходит «расслоение сообщества элементарных частиц»²³.

В первые моменты существования Вселенной, когда все четыре силы были полностью объединены, жара была невообразимой, симметрия – наивысшая. «...В начале своего существования Вселенная была устроена очень просто, – сказано в детской энциклопедии по физике, – и лишь постепенно в ней возникали все более сложные структуры...<...> Простота обеспечивалась высокой температурой...<...> Современное изобилие физических законов и явлений есть чисто низкотемпературное явление. Когда температура материи растет, различные силы, действующие в ней, начинают объединяться <...>, так что при фантастической температуре 10^{32} К силы природы должны слиться в одну *суперсилу* (по выражению известного английского ученого и популяризатора науки Пола Дэвиса), имеющую удивительно простую математическую форму»²⁴.

Миры многочисленные – симметричнее, демократичнее, проще, но горячее!

Единение есть упрощение, а суперсимметрия – наивысшая простота!

Чем меньше симметрии и измерений, тем, увы, холоднее, разделеннее – и потому сложнее – мир. Сложнее всего – в трехмерии.

4. Наивысшей красотой.

Сразу же после Большого Взрыва симметрия была идеальной: и кварки были истинно свободными, и частиц было столько же, сколько античастиц.

Высокосимметричный мир, конечно, для нас был бы совсем непригоден. Жизнь в такой форме, как наша, есть следствие асимметрии – в остывшей Вселенной частиц много больше, чем античастиц, иначе все аннигилировало бы.

Но в многообразии Вселенной могут существовать и иные формы жизни. Раз уж мир многомерный есть – он для кого-нибудь создан! Конечно, суперсимметричный, многомерный и сверхгорячий мир описать возможно одним только символом: огонь сливает все воедино.

В слиянии огненном все суперпросто: един закон – Любви огненной и милосердной.

Какой красотой сияет этот мир суперсимметрии, можно только догадываться – кто же не любовался в детстве симметрией рисунков калейдоскопов.

Суперпространство Любви – как Мир Огня – как Мир Духа.

Огненностью мы называем духовность, значит, духовность – красота наивысшая!

Увы, как изобилие законов и явлений физических есть низкотемпературное явление, так же остыли сердцем люди, презревшие закон Любви и милосердия, простоты, сотрудничества и единения, понасочиняли для себя моря законов и теперь сами в них тонут.

²³ Семихатов А. Симметрия как зеркало мирового устройства // Наука и жизнь. №9, 1996. С. 26.

²⁴ Энциклопедия для детей. Физика. Том 16, часть 2. С. 410–411.

Тайнозвучные симфонии

Физики знают пять вариантов теории десятимерных суперструн, но в 1995 году родилась М-теория – источник всех пяти теорий. Название ее – то ли от слова «мембрана», то ли от англ. слова *mystery* – тайна. Ученые разреша-

Из звучания суперструн рождается опус под названием Вселенная

ют себе писать об М-теории как о живой сущности: «Наше четырехмерное пространство-время – только тонкая «кожа» на поверхности некоторого двенадцатимерного многообразия, в котором живет М-теория»²⁵.

Итак, мы не можем, говоря о новейших теориях физики, умолчать об М-теории – как теории рождения Материи – как Матери миров физических. Действительно, теория суперструн помогает современным космологам объяснять множествен-

ность рождений различных вселенных²⁶. «Природа описывается не какой попало теорией, а только той, видимо, единственной, которая на всех уровнях свободна от противоречий»²⁷.

Один из авторов теории, Майкл Грин, утверждает: «Теория суперструн замечательна тем, что создает прекрасную картину звучащей Вселенной, основанной на принципе музыкальной гармонии»²⁸.

Свобода от противоречий – созвучие и гармония.

Созвучие (греч. – *symphonia*) в мирах – вселенская музыка.

Разве не говорили древнейшие учения о музыке сфер?

Разве не открыл Пифагор гармонические пропорции звуков, не определил, какие сочетания рождают гармонию, а какие – диссонанс?

Разве не искали гармонию и мудрость, как камень философский, алхимики?

Разве не вычислял многие годы Йоган Кеплер, где именно в движениях планет Создатель запечатлел гармонические пропорции, не написал ли труд всей жизни «О гармонии мира»? Кеплер считал, что именно гармония – первична, все остальное – только следствие²⁹.

И разве не нашел он, что «небесные движения есть не что иное, как ни на миг не прекращающаяся многоголосная музыка (воспринимаемая не слухом, а разумом)»? И разве он, больной и полунисший, преследуемый всеми неудачами, что только могут быть на свете, не чувствовал себя счастливейшим среди людей от мысли лишь одной, что удалось познать ему гармонию Вселенной?

И разве не говорит современная синергетика о пропорциях золотого сечения, как о главном принципе эволюционного отбора?

«Как чеканные струны, стремятся волны светочносной материи, и дух созидает из них тайнозвучные симфонии. <...> Только непомерная дальность сливает волны нитей в вибрацию небесной радуги»³⁰, – сказано в учении Живой Этики.

Песнь пространства петь смогут лишь струны, с обеих концов закрепленные, но будут в пространстве мотаться только к себе прикрепленные струны.

Пусть протянутся струны от кого-то к Кому-то!

Пусть вместо сомнений и отрицаний звучат космические струны миров дальних.

²⁵ Семихатов А. Суперструны: на пути к теории всего // Наука и жизнь. №3. 1997. С. 56.

²⁶ Левин А. Струнный концерт для Вселенной. <http://www.inauka.ru/science/article62982.html>.

²⁷ Семихатов А. Суперструны: на пути к теории всего // Наука и жизнь. №2–3. 1997. С. 57.

²⁸ Левин А. Струнный концерт для Вселенной. <http://www.inauka.ru/science/article62982.html>.

²⁹ Мороз О. В поисках гармонии. М., 1978. С. 55–56.

³⁰ Община, 42.

*Там – созвучие, кооперация и простота!
Там – все едино!
Там нет одиночества!
Всем суждена Сверхпомощь!
Мир на Любви построен!
Воистину – мистерия!*

Четвертое измерение физики – духовное

Считается, что естествознание логически завершает формирование критического (рационального, научного) мышления старшеклассников, потому сфера чувств и сердца, сфера интуиции строго отделены от сферы логических занятий. Время такое, что учителю в школе, если он не словесник, говорить о Беспредельном и Вечном стало почти что неприлично. Какое там еще бессмертие? – пусть учитель физики учит, как экономить, когда пользуемся ресурсами энергии, а то планета – на грани катастрофы.

И хотя наблюдаем устремленное сближение науки и веры, самая трудная доля в труде свидетельства об этом досталась, как ни странно, учителям точных наук и естествознания. Причина – сдвоенность. Одно дело – верить тихо, для себя, и внешне веры той не проявлять. Но вслух выражать мировоззрение, вмещающее Творца, – в окружении максимального прагматизма, критики и неверия, совсем другое. Так просто, входя не в начальный класс, а к старшеклассникам или студентам, не заявишь: «Верю!». Для этого твердый хребет нужен.

Что помогает не раздваиваться между наукой и верой?

Выбор главного!

Есть неизбежное – это требования стандартов обучения. Но есть наинужнейшее – это культура и целостное мировоззрение человека. Стандарты обеспечат успехи будущей цивилизации и комфорт, но без культуры и целостного мировоззрения – будущего вообще может не быть! И никакая физическая внешняя экология не спасет погрязшую душу...

Осознаю это – и выбираю.

Хочу, чтобы «моя» физика шла в ногу с передовой наукой, которая не отрицает Высший Мир, с наукой, которая сочетает противоположения: абсолютные и относительные понятия, непрерывность и дискретность, близкодействие и дальное действие, материальные и психофизические явления, исследованные и непознанные формы

материи и энергии и т.д. Хочу в уроки, перегруженные логикой, возвращать красоту мироздания и идеалы жизни. Хочу, чтобы мои ученики почувствовали: не только поэзия, но даже такая земная наука, как физика, способна душу окрылять!

Из этих неподдельных желаний и выбора рождается смелость преодолеть боязнь понятия «духовность», когда иду на урок физики даже в самые старшие классы.

Любой урок, где ребята познают мир, должен иметь все три составляющие познания: четкую логику, высокие чувства и сердечную этику жизни – быть наукой, искусством и философией одновременно!

Творческое соединение ума с сердцем расширяет и укрепляет пространство Культуры. Как, ограничивая себя, мудрым не станешь, так, ограничивая другого, – мудрости не умножишь. Живое – во всем, что целостно, но в расчлененной жизни нет.

Следовательно, даже физику мало только умом понять, ее следует и сердцем прочувствовать, и философски осмыслить. Тогда физика, которую считают наукой только физического, станет живой наукой самопознания, «погружением в себя с помощью физики», как четко определил Шалва Амонашвили.

Физику, обогащенную духовным осмыслением ее содержания, можно назвать четырехмерной физикой. Она способна направлять на путь синтетического мышления.

Право же, имеет смысл часть задач на математическое применение того или другого закона заменять задачами на применение того же закона в жизни! Нужно и в начальном обучении, и в старших классах, и изучая сложнейшие физические теории в вузах, не человека принудительно тянуть до знаний физики, но физику возвышать до человека. Осознание духовности всего материального, раскрытие смысловой глубины законов Природы помогает нравственному становлению молодого, критически настроенного ума, помогает человеку стать Человеком. Тома юридических кодексов не перевесят «моральный закон во мне» (Иммануил Кант), если он впитан в детстве и в юные годы!

Сказано: прежде погружения в научные формулы нужно дать твердые жизненные основы. От разделенных же ума, сердца и интуиции и следствие получим разделенное – искаженное мировоззрение.

Или заблуждаюсь, полагая, что это правильно для любого школьного предмета?